

Бесконечные бенефициары: долго ли им оставаться в тени? (журнал "Банковское дело")

1 июля 2014 г.

№6, 2014

Автор: С.Ю. Яковлев

Под напором регулятивных требований рушатся иллюзии, что собственники бизнесов имеют шанс оставаться в тени, а их доходы – быть банковской тайной. Однако анализ доступных в мире источников информации о компаниях показывает: до поставленной цели – полной прозрачности корпоративной собственности – пока еще далеко.

Банки должны знать конечных бенефициаров своих клиентов, выявлять репутационные риски, оценивать кредитоспособность. Главный источник такой информации – данные, предоставляемые клиентом. Но какие возможности есть у банка проверить и дополнить эту информацию, опираясь на независимые, публичные сведения, как того требует законодательство?

Когда речь заходит о внутрироссийских бизнес-рисках, то в первую очередь вспоминают о высокой доле компаний-однодневок. Если говорится о российских юридических лицах, имеющих зарубежных собственников, то обычно сразу всплывает тревожное слово «офшор» – синоним непрозрачности. Действительно, самый сложный для исследования связей компании случай, когда у нее зарубежный собственник. Но все же и этот случай доступен для анализа.

С помощью партнеров

Информация, имеющаяся в открытых госреестрах разных стран, позволяет построить трансграничные цепочки более чем для 30 тыс. из 110 тыс. российских компаний, имеющих зарубежных собственников. Но при этом всего в нескольких тысячах компаний удастся увидеть второй, третий, четвертый уровень взаимосвязей.

Чтобы получить итоговую картину, «Интерфакс» вместе со своим международным партнером Dun & Bradstreet, глобальная база данных которого охватывает 230 млн компаний, проанализировал все доступные в мире источники данных, связал реестры разных стран и затем (часто вручную) выстроил цепочки собственников.

Следует отметить, что Dun & Bradstreet не просто собирает данные, но и приводит их к единому стандарту, идентифицирует юридические лица с помощью глобального номера DUNS, устанавливает между ними взаимосвязи, проводит глубокую проверку данных. Без этого шансы связать недостающие звенья были бы несравненно ниже.

Dun & Bradstreet работает практически во всех странах мира или имеет там локальных партнеров, которые являются на этих рынках лидерами в области сбора корпоративной информации (в России такой партнер – «Интерфакс»). На этой основе формируется единая глобальная база данных, с помощью которой и производится работа по выявлению бенефициаров.

Результат такой работы в полном объеме можно увидеть в системе СПАРК, которая теперь охватывает не только юридических лиц РФ, Украины и Казахстана, но и всех их зарубежных «родственников». Цепочки от российских компаний могут доходить до Пуэрто-Рико и Гренландии. Есть примеры, когда максимальное число звеньев достигает 16 и проходят они через несколько стран. В ряде случаев цепочки позволяют выявить, например, аффилированность отечественных компаний, никак не связанных внутри страны, или увидеть, что на самом деле структура собственности является закольцованной.

Трансграничные цепочки далеко не всегда «прямые», они могут разветвляться и пересекаться. СПАРК позволяет вычислять взаимную долю влияния компаний, учитывая степень «родства» и «число поколений». Для вычисления косвенного процента участия каждого владельца используется перемножение долей участия в каждом звене, что, как показывает практика, в итоге иногда меняет представление о контролирующем акционере. Загрузка новых данных, вступление в силу различных регулятивных требований, связанных с раскрытием информации, позволяют не быстро, но все же неуклонно увеличивать число выявленных звеньев в цепочках собственности российских компаний.

Преграды на пути прозрачности

Почему же пока не удается увидеть всех конечных или хотя бы промежуточных бенефициаров?

Во-первых, в огромном числе случаев собственниками российских юрлиц выступают физические лица, которых закон не разрешает идентифицировать. В Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ), например, может быть запись «гражданин Канады» и «гражданин Украины».

Во-вторых, есть много примеров разночтения названий компаний в ЕГРЮЛ (а все названия в нем на русском языке) с языком страны, откуда родом главный акционер. Особенно много неопознанных «родителей» в таких странах, как Китай, Япония и Южная Корея.

Наконец, в-третьих, среди акционеров встречаются компании из юрисдикций, где вообще нет общедоступных реестров юридических лиц, откуда можно было бы почерпнуть данные об учредителях и органах управления компаниями. Корпоративная непрозрачность – это прерогатива и офшоров, и юрисдикций с закрытой экономикой, в том числе стран СНГ. Например, пока нет возможности анализировать реестры юридических лиц в таких странах, как Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан.

Говоря о результативности построения взаимосвязей, следует отметить, что наиболее высоки шансы увидеть конечных бенефициаров, прослеживая цепочку, идущую из России и заканчивающуюся в одной из европейских стран. Например, в Германии с помощью публичной информации удалось идентифицировать 64% владельцев российских компаний. Для таких стран, как Нидерланды и Австрия, это цифра еще выше – около 90%.

Гораздо хуже обстоит раскрытие информации в офшорах или бывших офшорах, таких как Кипр. В частности, на Кипре удалось выявить 28% владельцев российских компаний, на Британских Виргинских островах – 8%, на Сейшелах – всего 4%. Усиление контроля за офшорами дает основания рассчитывать на увеличение доступности информации в будущем, но пока прогресса в этой сфере практически нет.

Таким образом, российская специфика, которая заключается в огромной роли офшоров (или квазиофшоров) и в инвестициях, и в корпоративной собственности (к примеру, около 20% российских компаний с иностранным участием имеют собственников с Кипра), является одним из важных ограничителей при установлении конечных собственников бизнесов. Но и внутри России ситуация неидеальная. Так, много проблем возникает с закрытыми акционерными обществами (ЗАО). Они, в отличие от ООО и ОАО, обязаны раскрывать только сведения об учредителях. Все дальнейшие изменения в списке собственников в ЕГРЮЛ не фиксируются и фактически остаются тайной.

Иногда помогают дополнительные источники информации, которые приходится исследовать практически «вручную». Это списки аффилированных лиц, сайты компаний, банков и сообщения, публикуемые в Центре раскрытия корпоративной информации. Банки обязаны раскрывать информацию о бенефициарах, но каждый делает это в собственном формате, часто без каких-либо идентификаторов. К эмитентам также предъявляется требование раскрывать информацию о конечных собственниках, но для этого ОАО должны сначала получить уведомления от этих собственников, что происходит крайне редко.

Хотя цепочки владельцев в СПАРКе постоянно корректируются, общая ситуация в сфере корпоративной информации все же не дает возможности рассчитывать на резкое увеличение доли российских компаний всех форм собственности, в которых можно увидеть конечных бенефициаров.

Не бенефициаром единым

Вопрос о «родственных» связях корпоративных клиентов банкам и компаниям приходится изучать под разным углом и используя разные термины. Так, в законе «О банкротстве» говорится о «контролирующем должнике лице», в законе «О рынке ценных бумаг» – о «контролирующем лице», и в обоих случаях речь идет об их доле от 50%. В законе «О противодействии отмыванию...» вводится термин «конечный бенефициар» (с долей от 25%), такая же доля владения указана как пороговая в Налоговом кодексе в части, касающейся взаимозависимых лиц и трансфертного ценообразования.

В Федеральном законе № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» фигурируют выгодоприобретатели по контракту (10%), а при определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза, необходимо проверять «взаимозависимых лиц» (5%). Кроме того, государственные компании, следуя поручению главы Правительства РФ, должны проверять конечных собственников поставщиков.

Несмотря на разницу в юридических формулировках и разные доли участия, которые должны учитываться, цели контроля по сути близки, и информация во всех перечисленных случаях требуется примерно аналогичная. Первичным является качество данных и наличие информационных инструментов, нацеленных на выполнение конкретных требований законодательства. Правда, власти не только требуют «знать своего клиента», но и пытаются помочь.

Так, Великобритания выступила на саммите стран G8 в 2013 г. с инициативой создания всеми странами национальных баз данных о конечных бенефициарах юридических лиц. Лондон намерен не только обязать компании хранить сведения о бенефициарных владельцах (имена, контактные данные), доля которых 25% и более, но и создать систему раскрытия этой информации. «Граждане имеют право знать, кто контролирует британские компании», – считает премьер-министр Д. Кэмерон. Аналогичная инициатива обсуждается в Европарламенте.

В России объявлен курс на деофшоризацию и бескомпромиссное выявление конечных бенефициаров (хотя о публичности этих данных пока речь не идет). Минфин подготовил законопроект об иностранных контролируемых структурах, который обязывает физлиц и компании, имеющие долю 10% и более в иностранном бизнесе, информировать об этом налоговые органы. Целью закона является обложение налогами средств, выводимых из страны российскими гражданами.

Инструментом борьбы с выводом денег из РФ стал контроль за трансфертными ценами. Федеральный закон обязывает налогоплательщиков уведомлять налоговые органы о заключении сделок между взаимозависимыми лицами, внешнеторговых сделок и сделок с компаниями, зарегистрированными в офшорах.

Но дальше всех в борьбе с выводом активов в низконалоговые юрисдикции шагнули США, приняв три года назад закон FATCA (о налогообложении иностранных счетов): с 1 июля 2014 г. банки всего мира должны отчитываться о счетах американских налогоплательщиков и аффилированных с ними юридических лиц. Цель – обеспечить полный сбор налогов с американских граждан и компаний.

Организация экономического сотрудничества и развития по инициативе министров финансов стран G20 прошлого года работает над планом борьбы с размыванием налоговой базы и выводом прибыли (Base Erosion and Profit Shifting, BEPS). После многочисленных обвинений транснациональных гигантов в выводе прибыли в низконалоговые юрисдикции страны хотят добиться, чтобы прибыль бизнеса облагалась налогом там, где он осуществляется.

Уже очевидно, что постепенно обмен налоговой информацией станет международным и охватит как минимум все развитые страны. Общий вектор мировой финансовой политики также ясно указывает и на то, что бенефициарам будет все сложнее оставаться в тени.

Для выявления «красных флажков»

Приведенный длинный список законов и регулятивных требований, хотя и выглядит запутанным, но говорит о постоянно растущем значении информации о собственниках компании. При этом прозрачность цепочки собственников – это прежде всего понимание связанных с ней разноплановых рисков. Следуя букве закона, необходимо проверять каждое звено цепочки собственников на наличие его в списках террористов и экстремистов, выявлять среди собственников политически значимых лиц. С этими задачами справляются различные информационные системы, в числе которых теперь есть и российская X-Compliance.

Не менее важны и другие риски, связанные с неблагонадежностью компаний. Для выявления «красных флажков» СПАРК рассчитывает для российских компаний три аналитических индикатора: «Индекс должной осмотрительности», «Индекс финансового риска», «Индекс платежной дисциплины». Первый показывает вероятность того, что анализируемая компания является однодневной. Второй является индикатором финансовой устойчивости бизнеса. Третий иллюстрирует аккуратность компании при оплате текущих счетов. Каждый из этих индикаторов учитывает десятки различных факторов, используя уникальную аналитическую методику.

Цепочка собственников становится эффективным инструментом, когда она, во-первых, является максимально полной, во-вторых, когда в ней можно разглядеть все слабые звенья, требующие более тщательной проверки.